

59. Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991.
60. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Волга, Клязьма (до 825 г.) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2012. – № 5. – С. 83-84.
61. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Волхов, Ильмень (до 825 г.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 136-137.
62. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Днепр, Десна (825-859 гг.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 6. – С. 28.
63. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Западная Двина – Днепр (до 825 г.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 57-58.
64. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Прибалтика (825-859 гг.) // Современные наукоемкие технологии. – 2012. – № 7. – С. 8.
65. Петров И.В. Восьмой этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе: деятельность Рюрика и финансовые потоки 860-870-х гг. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2013. – № 8.
66. Петров И.В. Второй этап обращения куфического дирхема в Восточной Европе (750-760-е гг.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 10. – С. 71-72.
67. Петров И.В. Девятый этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе: финансовый кризис 880-890-х гг. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2013. – № 8.
68. Петров И.В. Древнейшие восточные монеты Волховско-Ильменского региона (VI – первая половина VIII в.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 139.
69. Петров И.В. Крупнейший восточноевропейский клад (IX в.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 116.
70. Петров И.В. Первый этап обращения куфического дирхема в Восточной Европе (700-740-е гг.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 10. – С. 68-71.
71. Петров И.В. Пятый этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе (800-е – первая половина 820-х гг.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2013. – № 3. – С. 17-19.
72. Петров И.В. Пятый этап обращения куфического дирхема и Минское монетное скопление (790-е гг.; 800-е – 1 пол. 820-х гг.) // Современные наукоемкие технологии. – 2012. – № 12. – С. 42.
73. Петров И.В. Седьмой этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе: варяги, хазары и финансовый коллапс 850-х гг. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2013. – № 8.
74. Петров И.В. Третий этап обращения куфического дирхема в Восточной Европе (770-780-е гг.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 10. – С. 72-76.
75. Петров И.В. Четвертый этап обращения куфического дирхема в Восточной Европе (790-е гг.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 10. – С. 76-77.
76. Петров И.В. Шестой этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе, время расцветов и кризисов (825-849 гг.) // Успехи современного естествознания. – 2013. – № 5. – С. 36-38.

**ФЕДЕРАЛИЗМ В ИСТОРИИ
ДРЕВНЕЙ РУСИ: ТИПОЛОГИЯ
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ СТАТУСОВ
ЗЕМЕЛЬ И ПЛЕМЕННЫХ СОЮЗОВ
(ДОГОВОРНОЕ ДАННИЧЕСТВО,
УСТАВЫ, 1 ВИД II ТИПА)**

Петров И.В.

*Санкт-Петербургский университет управления
и экономики, Санкт-Петербург, e-mail: ladoga036@mail.ru*

В настоящей статье будет рассмотрена проблема одной из разновидностей договорного данничества, которое правомерно назвать уставным.

Со времени создания Древнерусского государства форма рядов, договоров, уставов становится весьма распространенной. Олег в 882 г. «устави дани словеномъ, кривичемъ и мери». Ольга в 947 г. «устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани» [15, с. 14, 29]. Великие князья стремились упорядочить сбор дани, однако для этого им требовался стандарт, определенный в правовом акте. Не о нем ли свидетельствуют летописи, сообщая об установлении даней в том или ином регионе. Термин «устави дани» означал, в отличие от «имаша на нихъ дань», определенную упорядоченность и определенность количества дани, времени и места ее сбора. Не исключено, что «уставы» Олега имели характер локальных или общегосударственных правовых актов, четко определявших характер и размеры налогообложения. Тем более это вероятно, учитывая то обстоятельство, что аналогичные действия осуществляла Ольга в 947 г.

Один «устав» Олегов сохранил свое значение до середины XI в. В Повести временных лет сообщается: «Се же Олегъ нача города ставити, и оустави дани Словеномъ, Кривичемъ и Мери, и устави Варягомъ дань даятиотъ Новагорода гривен 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославле даяше Варягомъ» [15]. Сфера действия этого «устава» весьма значительна – приблизительно с 882 по 1054 гг. Как бы данный устав не интерпретировать, едва ли следует сомневаться в его стабильности и важности для поддержания мира в Северной Руси. Невероятным кажется предположение, что одна только память новгородцев могла сохранять предание об их обязанности выплачивать в течение 172 лет ежегодно триста гривен. Логичнее предположить некий документ, регламентировавший эту обязанность, утративший силу только к середине XI в. Однако в некоторых летописных сводах отразилось воззрение на рассматриваемый устав как на еще действующий правовой акт: «Сий же Олегъ нача города ставити, и дани устави по всей Русстей земле; Словеномъ и Кривичамъ и Меряномъ дань даяти Варягомъ, а отъ Новагорода триста гривенъ на лето мира деля, еже и ныне даютъ» (Никоновская летопись) [3, с. 15]; «И нача Олег грады ставити и дань оустави по всей земли, с Новагорода по 300 гривен, иже и доньне даютъ» (Летописный свод 1497 г.) [4, с. 14]; «И начаша Олег грады ставити и дань оустави по всей земли, с Новагорода по 300 гривен, иже и доньне даютъ» (Летописный свод 1518 г.) [5, с. 168]; «И дани устави по всей земли, с Новагорода по 300 гривенъ, и дань возложи на Деревляны и на Северяны» (Ермолинская летопись) [2, с. 3]. Согласно реконструкции А. Шахматова текста Новгородского свода 1050 г., «сии же Олегънача грады ставити и дани устави Словеномъ Варягомъ и Кривичемъ и Мери,

а отъ Новагорода 300 гривнь на лето мира деля, еже и ныне даютъ» [17, с. 458]. Из этих фактов можно заключить, что Никоновская летопись, Летописные своды 1497 и 1518 гг., Ермолинская летопись, сохранили тексты из более древних летописных сводов, нежели Повести временных лет, поскольку там об уставе Олега говорится как о еще действовавшем акте, а это могло иметь место только до 1054 г. Лаврентьевский же и Ипатьевский списки зафиксировали положение, сложившиеся после 1054 г., когда устав Олега уже не применялся. Из вышесказанного можно сделать вывод, что «устав» Олега – не плод фантазии автора Повести временных лет, но вполне реальный княжеский акт, о котором знали летописные своды XI столетия. В комментариях к Повести временных лет Д.С. Лихачева указывается, что наиболее древний текст относительно Олеговых уставов сохранился в Уваровской и Кирилло-Белозерской летописях, при этом «киевский князь собирал дань, конечно, для себя и вряд ли мог устанавливать дань в пользу варягов» [15, с. 409-410]. Тот факт, что Олег мог утверждать правовые акты, именуемые в летописных сводах уставами, не кажется удивительным, поскольку вписывается в общую картину княжеских полномочий.

Летописные своды знают также об уставной деятельности великой княгини Ольги в 946-947 гг. В Повести временных лет сообщается, во-первых, о мероприятиях ее в древлянской земле, а, во-вторых, о пристальном внимании к северо-западным землям: «В лето 6454... И иде Вольга по Дервьстеи земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляючи уставы и уроки; и суть становища ее и ловища... В лето 6455. Иде Вольга Новугороду, и уставы по Мьстеповосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловищаея суть по всей земли, знамяня и места и повосты, и сани ее стоять въ Плескове и до сего дъни, и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе. И изрядивши, въ зрати-сякъ сыну своему Киеву, и пребывашесть нимъ въ любовьи» [15, с. 29].

Источники сообщают также о правовых актах Владимира Святославича, именовавшихся, как и во времена Олега и Ольги, уставами. Во-первых, в Повести временных лет зафиксировано под 996 г., что «бебо Володимеръ любя дружину, и с ними думая о строи землянем, и о ратехъ, и о уставе землянем...» [16, с. 56]. Во-вторых, в том же источнике сообщается об установлении Владимиром церковной десятины: «И помолвишюся ему, рекъсице: «Даю церкви сей святей Богородицы от имени моего и от градъмоихъ десятую часть». И положи написавъ клятву въ церкви сей, рек: «Аще кто сего посудить, да будет проклятъ». И вдасть десятину Настасу Корсунянину» [15, с. 55]. Согласно указанному тексту вполне ясно, что уставы могли быть

не только устным источником права, но также фиксироваться письменным образом («положи написавъ клятву»). В-третьих, имеется сам текст так называемого «Устава князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных»: «И по том летом миноувшимъ здах церковь святоую Богородицю и дахдесятиноу к неивъ всеи земли Руской княженья от всего соуда 10-ты грошь, исторгоу 10-тоую недилу, из домов на всякое лето 10-е всякаго стада и всякаго живота чюдной матери божи и чюдному Спасоу» (Архангельский извод Устава) [1, с. 15]. Указанный текст доказывает, что уставы вполне могли регламентировать и торговые правоотношения.

Позднее, в XI-XII вв., «установить» означало твердо, на долгое время и в письменной форме установить то или иное правило поведения, становившееся после этого общеобязательным и охраняемым государством. Таким уставом являлась знаменитая Правда Ярославичей – в Академическом I списке Краткой Правды зафиксировано: «Правда уставлена руской земли, егда съ вокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко, Перенег, Микыфор Кыянин, Чюдин Микула» [16, с. 14]. То же наблюдаем в ст. 2 Троицкого I списка Пространной Правды: «По Ярославе же паки совкупившеся сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их: Коснячко, Перенег, Никифор и отложиша убиение за голову, но кунамися выкупати; а оно все яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша» [16, с. 20]. Наконец, в Троицком I списке Пространной Правды содержится раздел «Оустав Володимеръ Всеволодича»: «Володимер Всеволодичъ по Святопол цесозва дружину свою на Берестовемъ: Ратибора Киевьскоготысячского, Прокопью Белогородьского тысячьского, Станистава Переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа, и уставили до третього реза, ожеемлетъ в треть куны; аже кто возьметъ два реза, то ему взяти исто, паки возьметъ три резы, то иста ему не взяти» [16, с. 24]. Надлежит отметить Устав князя Ярослава о церковных судах («оуставъ Ярославль соуды святительския»), представляющий собой «кодекс семейного и брачного права Древнерусского государства, сложившийся в XI-XII вв.» [1, с. 93] и Устав князя Ярослава о порядке надзора за благоустройством новгородских улиц, включающий перечень «сотен» Новгородской земли («оуставъ Ярославль о мостехъ») [1, с. 149]. Среди уставных актов домонгольского времени также можно упомянуть следующие документы: Уставную и жалованную грамоту смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанную с учреждением епископии в Смоленске («се оуставляю епископью»); Подтвердительную грамоту епископа Мануила («утвердил устав церковный и утверженье»); Жалованную запись смоленского князя Ростислава Мстиславича 1150 г.

церкви Богородицы и епископу на земельный участок («наряд церковный»); Уставную запись о размерах поступлений с городов Смоленской земли; Уставную грамоту новгородского князя Святослава Ольговича церкви св. Софии в Новгороде 1136/1137 г. о поступлениях епископии из «Онега» и с заволочских владений Новгорода («Оуоставъ, бывъши и преженасъ въ Роуси... Оурядиль есмь азъ святеи Софии и написалъ Никола князь новгородскыи Святославъ...»); Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых («Оуоставъ великого князя Всеволода о церковныхъ соудехъ, и о людехъ, и о мерилахъ торговых»); Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках («А се роукописание князя Всеволода») [1, с. 141, 145-148, 154, 160].

Список литературы

1. Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. Издание подготовил Я.Н. Шапов. – М.: Наука, 1976.
2. Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. XXIII. – СПб., 1910.
3. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. – Т. IX. – М.: Языки русской культуры, 2000.
4. Летописный свод 1497 г. // Полное собрание русских летописей. – Т. XXVIII. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1963.
5. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // Полное собрание русских летописей. – Т. XXVIII. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1963.
6. Петров И.В. VIII-X вв. как особый период истории государства и права восточных славян и Древней Руси // Международный журнал экспериментального образования. – 2013. – № 1. – С. 124.
7. Петров И.В. Восточное монетное серебро: Волхов, Ильмень (до 825 г.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 136-137.
8. Петров И.В. Государство и право Древней Руси (750-980-е гг.). – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2003.
9. Петров И.В. Государство и право Древней Руси в 882-980 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность-12.00.01 Теория права и государства; история права и государства; история политических и правовых учений (по правовым наукам) / Северо-Западная академия Государственной службы. Санкт-Петербург, 1999.
10. Петров И.В. Девятый этап обращения куфического дирхема в Восточной и Северной Европе: финансовый кризис 880-890-х гг. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2013. – № 8.
11. Петров И.В. Древнейшие восточные монеты Волховско-Ильменского региона (VI – первая половина VIII в.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 139.
12. Петров И.В. Древнерусские летописи как источник по истории торговли и торговых правоотношений в Древней Руси (IX-X вв.) // Мир экономики и права. – 2010. – № 9. – С. 36-40.
13. Петров И.В. Крупнейший восточноевропейский клад (IX в.) // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 5. – С. 116.
14. Петров И.В. Старая Ладога – столица Славии и Руси // Регион: Политика. Экономика. Социология. – 2000. – № 3.
15. Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. Под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. – СПб.: Наука, 2007.
16. Правда Русская. Под редакцией акад. Б.Д. Грекова. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1940.
17. Шахматов А. Разыскания о русских летописях. – М.: Академический Проект, Жуковский: Кучково поле, 2001.

ФЕДЕРАЛИЗМ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ: ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ СТАТУСОВ ЗЕМЕЛЬ И ПЛЕМЕННЫХ СОЮЗОВ (ДАННИЧЕСТВО ДРЕВЛЯН, СЕВЕРЯН, РАДИМИЧЕЙ, 2 ВИД II ТИПА)

Петров И.В.

*Санкт-Петербургский университет управления
и экономики, Санкт-Петербург,
e-mail: ladoga036@mail.ru*

Второй вид данничества представлен теми племенными княжениями, которые включались в состав государства насильственным образом. В первую очередь это древлянские, северянские и радимичские земли. Дань на них возлагалась по великокняжескому произволу [32, с. 24], могла быть существенно изменена и увеличена [32, с. 42], что нередко вызывало вооруженные восстания [32, с. 42, 54-60]. В рамках данного вида существовали его подвиды, которые могут быть классифицированы, во-первых, по объему возлагаемой дани, во-вторых, по форме ее взимания.

I. В случае с первым основанием классификации (по объему возлагаемой дани) различаются:

1) «Дань легька», которую Олег возложил на северян в 884 г. («Иде Олегъ на Северяне и победи Северяны и възложи на нь дань легьку, и не дасть имъ Козаромъ дани платити, рекъ: «азъ имъ противень, а вамъ не чему») [32, с. 24];

2) «Дань тяжька», которую возложила Ольга в 946 г. на древлян («а прокъ их остави платити дань, и възложиша на ня дань тяжьку») [32, с. 59-60].

II. В случае со вторым основанием классификации (по форме взимания) выделяются:

1) Дань, взимаемая в натуре – с древлян «по черне куне» в 883 г. («Поча Олегъ воевати Девляны и примучи вои имаша на них дань по черне куне») [32, с. 24];

2) Дань в денежной форме – с радимичей в 885 г. («и въдаша Ольгови по щягю, ажоже и Козаромъ даху») [32, с. 24].

Олег предпочитал не налагать на древлян, северян и радимичей «тяжкую дань». Это объяснялось следующими причинами. Во-первых, северяне и радимичи, находившиеся до сих пор под властью хазар, должны были почувствовать выгоду от падения владычества Каганата. Эта причина вполне очевидна – на нее, фактически, обратил внимание уже древнерусский летописец. Во-вторых (и это, собственно, моя точка зрения), Олег, если бы даже желал установить большую дань, поступил бы в таком случае экономически неразумно – 880-890-е гг., как было установлено мной в ряде работ о восточном монетном серебре, являлись 9 этапом обращения куфического дирхема в Восточной Европе, временем финансового кризиса и краха прежней системы торговых отношений, основанной на аббасидском дирхеме. К указанному этапу